

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА¹

А.М. Кузнецов

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *Этнополитические проблемы предполагают применение методологии сложного и ряда концептов: этнос-процесс, этничность — специфические свойства различных общностей; этническая общность — психоментальный комплекс; нация — политическая организация и высокий уровень гомогенизации населения. Сделан вывод, что этнические общности — это основные претенденты на политическое самоопределение. Поэтому проводимая полиэтничными государствами этнонациональная политика должна разорвать связь между идеями самосохранения и создания собственного государства. Тогда будет остановлено бесконтрольное увеличение новых акторов международных отношений.*

Ключевые слова: *сложность, этнос, этничность, этническая общность, нациестроительство.*

Распад биполярного мира вызвал ещё одно последствие — активизацию этнополитического фактора во внутренней политике и в сфере международных отношений. «Бунтующая этничность» уже заявляла о себе «национально-освободительными движениями», затем межэтническими конфликтами, этносепартизмом и сыграла свою роль в распаде СССР и Союзной Югославии. События в Восточном Тиморе, Косово, Южной Осетии, а затем в Каталонии и Шотландии ещё больше актуализировали значение этнических проблем. Свой вклад в этот процесс вносят транснациональные миграции, так как этнические диаспоры теперь могут оказывать влияние на формирование политики в интересах государств своего происхождения [Mearsheimer, Walt 2006]. Дополнительной составляющей в представленном спектре проблем являются «разделённые нации». Уже опыт объединения Германии показал значение символических границ, сохраняющих демаркацию между «осси» и «весси», которую трудно понять без учёта этнических обстоятельств [Дубина б/г].

Все это происходит, в том числе и потому, что в современном мире примерно на 200 государств, приходится от 5 до 7 тыс. различных этнических образований, поэтому большинство государств (около 180) являются полиэтничными по составу населения. Редкими исключениями здесь остаются Армения, КНДР и РК, Польша, Япония, а в основном это такие страны, как Бахрейн, Барбадос, Коста-Рика и другие «этнонации». По данным Ю. Галтунга, в конце 1990-х гг. около 2 тыс. этнических общностей были готовы выдвинуть

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ проект № 17-12-10001.

свои политические требования по самоопределению [Galtung 1998]. Так что, появление международной организации Объединённые непредставленные нации — не случайное явление нашего времени. По-видимому, не только У. Коннор обратил внимание, что международные отношения, на самом деле являются межгосударственными отношениями [Connor 1978]. Очевидно также, что сравнительно быстрое увеличение числа государств в составе ООН с 46 до 193 противоречиво сказалось на состоянии международных отношений. Но что будем делать, если на международной арене появится в результате самоопределения ещё 50, 100 или 1000 новых государств? В любом случае, этнополитический фактор становится сегодня одним из серьёзных вызовов, но наука пока не может дать адекватного ответа на него.

*Этнос, этничность, нация
как предмет дисциплинарных и политических дискурсов*

Вопрос о причинах этнического многообразия человечества, был поставлен лишь на рубеже XIX–XX вв. в российской этнографии Н.М. Могилянским. В ходе социалистического преобразования нашего обществоведения в конце 1920-х гг. было вынесено постановление о несовместимости идеи этноса с марксизмом. Так этнологические исследования в СССР были прекращены до конца 1940-х гг., когда они были восстановлены П.И. Кушнером, С.А. Токаревым и Н.Н. Чебоксаровым. Затем с конца 1960-х гг. в нашей стране разрабатывались конкурирующие варианты теории этноса Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева. С началом перестройки вариант Бромлея как согласованный с марксизмом был объявлен несоответствующим условиям времени. «Антимарксистская» теория Гумилева стала более приемлемой в новых обстоятельствах, но та же важная для нее идея пассионарности не получила признания специалистов. Тогда В.А. Тишков провозгласил «реквием по этносу» и предложил переориентироваться на западные концепции *этничности* [Тишков 2003]. «Национальный же вопрос» и проблематика нации в СССР оставались прерогативой идеологической работы КПСС со всеми вытекающими последствиями.

В свою очередь, зарубежная наука, прежде всего, англофонская социальная и культурная антропологии до начала 1960-х гг. была озабочена проблемами расы. В то же время европейские теоретики от политики уже с XIX в. разрабатывали концепт «нация». В результате он получил у них сильный политизированный акцент, а кроме того нация стала рассматриваться как продукт капиталистического общества. Не случайно лозунг защиты прав малых наций, а затем и права наций на самоопределение в 1910–1930-е гг. распространялся только на европейскую политику. Исходные условия возникновения концептов этнос и нация в разных практиках и отраслях науки получили отражение и в предложенных трактовках.

На основе этнографических данных в 1923 г. С.М. Широкогоров указал: «...Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое общее происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличающихся ею от таковых других групп» [Широкогоров 1923: 13]. Опираясь на работы австрийских социал-демократов — теоретиков национального вопроса, И.В. Сталин в 1913 г. обобщил: «нация — исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1946: 296]. Поскольку в 1930-х гг. С.М. Широкогоров большое внимание уделил *психоментальному* комплексу этнических групп, то становится очевидным, что за исключением положения об экономической жизни, оба определения, практически, дублируют друг друга. Поэтому не приходится удивляться, как последующие авторы легко заменяли термин этнос — нацией и наоборот, тем более, что и *этнос* был предложен вместо ранее ис-

пользуемого слова «народ» для того, чтобы избежать ненужных коннотаций его значения как части населения, не принадлежащей к элитам.

К началу 1960-х гг. американские и другие специалисты, наконец, обратились к этническим проблемам, но в варианте «*этничности*». Сначала они полагали, что данным свойством обладают только группы, отличающиеся по своим признакам от основного населения страны, например, аборигенные общности и диаспоры мигрантов. После публикаций Б. Андерсона и Э. Хобсбаума в конце 1960-х гг. этничность была признана универсальным общечеловеческим свойством. Наиболее известная работа этого времени по теме этничности принадлежит Ф. Барту. По его мнению, при изучении этнических проблем «основным фокусом исследований... становятся этнические границы, которые определяют группу, но не культурное содержание, которое они включают». Собственно этнической группой в его интерпретации является общность, способная: 1) к биологическому самовоспроизводству; 2) обладающая общими фундаментальными культурными ценностями, воплощёнными в определённом единстве культурных форм; 3) обеспечивающая пространство коммуникаций и взаимодействия; 4) формирующая представление о членстве в ней [Barth 1969: 15].

Всплеск интереса за рубежом к идее этничности привёл к концу 1980-х гг. к плюрализму противоречивых трактовок. В ней увидели целые народы, нации или отношения между различными группами, или только инвалидов и сексуальные меньшинства, и даже... коммунистов. Так что, когда у нас призвали опираться на концепцию этничности, за рубежом в ней разочаровывалось все большее число специалистов, привлечённых новой перспективой — анализом этнической идентичности, а точнее самоидентификации определённых индивидов [Banks 1996]. Проблема же здесь заключается в том, что такая идентификация очень часто является ситуационной, т. е. зависящей от определённых условий. Показательно, что исследование обстоятельств в государствах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии привело Б. Андерсона к сходному выводу — нации являются воображаемыми теми же индивидами сообществами [Anderson 2006]. Ещё дальше пошёл В.А. Тишков, который призвал вообще забыть о нации [Тишков 1998]. Невозможность научного определения нации стали отстаивать и другие специалисты [Poole 1999: 16]. В результате, как показал С.В. Соколовский, в Конституции Российской Федерации и различных законодательных актах у нас используются около 20 различных терминов для обозначения «больших» и «малых» народов нашей страны [Соколовский 2004: 14]. Ещё более примечательна ситуация с политикой «*мультикультурализма*».

По данным У. Кимлики, власти Канады, осознав, что за двести лет политика ассимиляции в отношении франко-канадцев не дала результата, решили срочно поменять её на политику «*бикультурализма*». Узнав об этом, большие диаспоры страны, та же немецкая и украинская, выдвинули свои претензии, в результате чего бикультурализм срочно был перелицован в *мультикультурализм* [Kymlicka 2001]. При этом никто не удосужился объяснить, какую именно из сотен существующих трактовок «культуры» следовало положить в основу такой политики. Стоит ли тогда удивляться последствиям механического перенесения идеи *мультикультурализма* в Западную Европу? Но как тогда и в отношении кого при подобном плюрализме мнений исследователей и практиков выстраивать эффективную этно/национальную политику, способную предотвратить вспышки «этносепаратизма»? Для решения этой задачи следует сначала определиться с сущностью этно/национальных явлений.

*Принцип сложности и некоторые вопросы
междисциплинарного исследования этно/национальных проблем*

Компетентный анализ позволил установить несколько обстоятельств, сыгравших свою роль в неудовлетворительном состоянии рассматриваемых проблем. Во-первых, в основу теорий этноса и этничности были положены различные подходы — «примордиалистский» и «конструктивистский». Российские авторы в основном применяли первый из них, в то время как второй — за редким исключением (например, П. ван ден Берге) — западные специалисты. Последующее осознание «ловушки» методологического национализма (Г. Мартинс, У. Бек), сделало очевидным, что нельзя применять идеи и схемы, основанные на реалиях одних стран, для анализа всех остальных [Amelina, Nergiz, Faist, Glick Schiller 2012; Beck 2007]. Как известно, условия в «эмигрантских» государствах отличаются от ситуаций в странах Старого света. По этой причине для США, Канады и, Австралии являются оправданными конструктивистские представления в отношении их общностей. В то же время, например, для России, не говоря уже о Китае или Индии, более приемлемы примордиалистские основания для решения их проблем.

Во-вторых, не менее важно учесть дискуссии между «методологическими индивидуалистами» и «методологическими коллективистами» («реалистами» по Э. Дюркгейму). Смысл разногласий здесь заключался в следующем: для исследования этнических общностей, социальных групп и наций использовать только данные по отдельным, входящим в них индивидам, или же свойства таких общностей и групп не сводятся к характеристикам индивидов, а должны устанавливаться особыми процедурами анализа. Принимая во внимание опасность методологического национализма, различаем реальность развитых высокоурбанизированных обществ, признающих значимость отдельных индивидов, и условия других стран, сообщества которых отдают предпочтение различным семейным, клановым, конфессиональным и другим объединениям, но не отдельным их представителям. Не случайно, как показали Р. Брубейкер и А. Купер: «В американском контексте преобладающая этика и идиоматика индивидуализма придали особую остроту и резонанс вопросам идентичности... Именно тогда интерес к идентичности и конструирование индивидуальной идентичности... был с готовностью, хотя и непродуманно перенесён на групповой уровень» [Брубейкер, Купер 2002: 62]. Отсюда понятны и трудности, с которыми столкнулись попытки продвижения в мире идеи прав человека, т. е. реальных индивидов. Следует также отдать должное Н. Луману, предложившему вообще вывести «реальных индивидов» из теорий социальных и других систем [Луман 2004].

Более серьёзным недостатком существующих концепций этноса/этничности — нации является их стремление решать все проблемы преимущественно средствами отдельных дисциплин. В силу своего характера явления этноса/этничности и нации могут быть адекватно исследованы только на принципиально иных методологических принципах, предполагающих применение междисциплинарных подходов. Идея междисциплинарности активно обсуждается не один десяток лет, но, как оказалось, ее нельзя реализовать без разработки соответствующих концептуальных оснований синтеза данных разных дисциплин. Иначе все у нас опять ограничивается пресловутым «комплексным подходом», остающимся в своей основе эмпирико-позитивистским порождением.

Свое слово в решении рассматриваемых проблем могла бы сказать такая новая научная область, как этнополитология [Kellas 1998]. К сожалению, в силу своей «практической» направленности она не получила надлежащего теоретического обоснования и чаще всего рассматривается лишь как пограничная дисциплина между этнологией/антропологией и политической наукой [Тишков, Шабаетов 2011]. Не случайно, вопрос о необходимости внедрения

новой методологии в исследование проблем нации и идентичности был снова поставлен И.С. Семененко [Семененко 2015]. В зарубежной науке ещё раньше был воспринят посыл о том, что «...по мере осознания проблем целостности, структурности и организации, произошло также открытие феномена сложности» [Хакен 2014: 23].

Современное положение в большинстве стран характеризуется тесным переплетением различных этно-экономико-социо-политических и некоторых других обстоятельств, на которые накладывают свой отпечаток международные отношения. Поэтому в большинстве случаев как само «страноведение», так и сфера отношений между государствами явно представляют собой явления сложного и даже повышено сложного порядка. Традиционная же методология основывалась на вычленении из этой первичной целостности фрагментов — своих «предметов исследования», фактически, конструируя их. Использование принципа сложности позволяет устранить недостатки подобного редукционизма, предлагая рассматривать определённые явления с учётом разных уровней их организации и объединения разнородных составных компонентов [Диалектика... 1988]. Соответственно для анализа каждого такого уровня и значимого компонента должен использоваться соответствующий теоретико-методологический инструментарий [Philosophy of Complex Systems 2011]. Целостное исследование сложных образований наряду с фиксацией их границ, в том числе символических, обеспечивается использованием принципа «дополнительности», позволяющего оценивать разнородные компоненты в рамках определённых явлений как необходимое дополнение друг к другу [Harrison 2007; Wight 2015].

В контексте представлений о сложных явлениях становится очевидным, что в международных отношениях участвуют государства с очень разными общественно-политическими системами, представители которых часто формируют собственные взгляды на цели и задачи внешней политики и на свое место в мире. Отсюда и неудачи в попытках осмыслить формирование нового глобального порядка только на основе универсализируемых «западных концепций», и появление российских, китайских, индийских и других «незападных» теорий международных отношений [Qin Yaqing 2010]. Понятно, что в принятии и реализации политических и других решений, как в международных отношениях в целом, так и отдельных государствах, участвуют не только реальные индивиды, но и их объединения различного уровня, включая этнический. Следовательно, применение методологии «сложного» меняет традиционную логику исследования. Вопрос «западные» или «незападные» теории, индивиды, или их объединения она переформатирует в утверждение и «западные», и «незападные» идеи, и индивиды, и их объединения должны стать предметом общего научного анализа. Такая методология акцентирует наше внимание ещё и на динамизме процессов в природной и социальной реальностях. Поэтому такие понятия, как самоорганизация, нелинейное развитие являются неотъемлемой частью современной общенаучной методологии. Для сложных живых и социальных явлений большое значение имеет также их способность к самовоспроизводству (*аутопоэзису*) и саморазвитию [Maturana, Favela 1980].

Этнос, этническая общность, нация как сложные явления

Анализ явления этнического многообразия человечества и его отношения к нациям на основе принципа сложности позволяет установить, что такое этническое, чем является собственно этническая общность и понять логику включения этих феноменов в политическое пространство государств. В свое время С.М. Широкогоров уже показал, что *эндогамная* этническая общность должна обладать необходимыми возможностями для своего воспроизводства и обеспечения жизнедеятельности составляющих ее индивидов. Поэтому соответствующий концепт уже имплицитно включает в себя разные хозяйственные, регулятивные,

нормативные, мировоззренческие и другие практики его представителей, делая избыточными определения «этнокультурные» и т. д. [Широкогоров 1923]. Затем этот автор, значительно опережая свое время, предложил рассматривать этнос только как процесс с центробежным и центростремительным векторами, взаимодействие которых сохраняет одни этнические общности, определяет исчезновение других, приводя одновременно к образованию новых общностей такого рода. Первичная же трактовка этноса была теперь отнесена к собственно этническим общностям. В качестве основного достояния и признака таких общностей Широкогоров стал рассматривать «психоментальный комплекс», который представляет собой «культурные элементы, состоящие из психических и умственных реакций, как на целое, так и его элементы; они могут быть изменяемыми или стабильными, динамическими или статическими» [Shirokogoroff 1935: 25].

Смысл «дуализма» в названии данного явления, заключается в том, что оно включает в себя как сознательные, так и бессознательные компоненты, в том числе, достоверные знания и различные верования, исторический опыт, накопленный, в том числе, в результате взаимодействия с другими общностями. Психоментальный комплекс является коллективным по своей природе, он представляет собой особое явление и ему должна соответствовать своя программа исследования этнических проблем. Данное явление существует и сохраняется благодаря общим традициям и практикам памяти. В силу коллективного характера содержание даже своего психоментального комплекса не всегда и не во всем доступно отдельным представителям этнической общности, представления которых описываются концептом «идентичности» (этнические идентичности). Тем не менее, восприятие и осмысление мира, общества, самих себя и других общностей, их представителей, а также различных образов жизни у нас во многом «программируется» именно таким комплексом [Shirokogoroff 1935: 13]. Взаимодействия с иноэтничной средой и представителями разных этнических общностей актуализируют особенности разных психоментальных комплексов. Тот же пресловутый «этноцентризм» возникает из убеждения, что в сравнении с остальными только наш образ жизни и строй мыслей являются единственно правильными.

Значение психоментального комплекса С.М. Широкогоров показал и на примере «лидирующего этноса» — т. е. «этнической общности или группы этнических общностей, являющихся в определённые исторические периоды образцом для других объединений». Подобными образцами становятся сначала благодаря реальным успехам в каких-либо значимых сферах общественной жизни. Но, как отмечал Широкогоров, после осознания своих преимуществ: «Лидирующая общность обычно убеждается в своем полном превосходстве, в праве управлять другими общностями, а когда необходимо, то и уничтожать их во имя «прогресса», справедливости, бога и других оправдывающих обстоятельств, выбор которых исключительно зависит от существующего психоментального комплекса». Последствием подобной убеждённости являются также практики, при которых «этническая общность вообще начинает паразитировать на других общностях, и тогда... она утрачивает адаптивную гибкость и способность к новаторству...» [Shirokogoroff 1935: 21]. Позднее к сходным выводам в своей концепции ориентализма в конце 1970-х гг. пришёл Э. Саид [Said 1979]. По ряду моментов, как можно убедиться, идеи Широкогорова повторил и Ф. Барт, хотя другие этнологи/антропологи оказались менее восприимчивыми в этом отношении. Включение в этническую проблематику новых специалистов способствовало росту интереса к «символическим» («психоментальным») границам, не только расовым и религиозным, но также и этническим [Sevastianov, Laine, Kireev 2015].

Этническую общность как сложное явление, способное к самовоспроизводству, не следует путать с другими образованиями, например, клановыми (родовыми) и другими группами. Проблема здесь заключается в том, что этнос-процесс, начавшийся на ранних этапах ис-

тории и продолжающийся сегодня, приводит к возникновению специфических свойств различных общностей и групп, которые можно определить как «этничность». Она фиксируется еще у некогда универсальных родовых объединений, сохранившихся сегодня как «коренные малочисленные народы». «Новые социальные группы» приобретают некоторый оттенок этничности, но от этого ещё не становятся настоящими этническими объединениями. Те же пресловутые «осси» и «весси» сохраняют свойства этничности, которые у них возникли за время раздела страны, но это ещё вопрос — являются ли они собственно этническими общностями. Неоправданное смешение таких разных явлений, как «этнос», «этничность» и «этническая общность» и стало одной из причин, заведших в тупик дисциплинарные концепции этнического феномена.

Этнические общности («племена») возникают ещё на догосударственных стадиях истории человечества. По мере развития производства, усложнения общественной организации и некоторых других причин отдельные общности оказывались в состоянии рассогласования и дисбаланса среди составляющих эту общность индивидов, их групп и соответствующих им идентичностей. Поэтому они должны были найти новые формы регулирования, позволяющие им сохраняться как целостным объединениям. Такие возможности открывали уже властные отношения и связанные с ними органы принуждения и насилия, которые закладывали начала процесса *политогенеза*, т. е. политической организации определённых обществ. По данным истории и политической антропологии, сначала это были переходные объединения, выполнявшие государственные функции, вроде вождеств, полисов, затем номы, города-государства и т. д. Постепенно в результате завоеваний стали формироваться ранние «империи» (Древнеегипетское государство, Государство Шумера и Аккада и т. д.), которые стали включать в себя и общности, не прошедшие стадию *политогенеза* [Крадин 2004]. В свою очередь, осознание угрозы со стороны усилившихся соседей побуждало другие общности форсировать создание собственной политической организации, заимствуя у других необходимые для этого образцы. Однако, появление определения «несостоявшегося государства» показывает, насколько сложно даже в современных условиях создать полноценную политическую организацию общества. Так или иначе, разные этносы и включённые в них общности, развивавшиеся ранее по своим нормам и правилам, теперь оказались в политизированных границах, чаще всего не совпадающих с собственно этническими.

Таким образом, как исторические, так и современные данные наглядно демонстрирует, что именно этнические общности способны при определённых условиях к созданию политической организации, но для этого им ещё предстоит сформировать собственную элиту, органы власти и принуждения [Hroch 1985]. В свою очередь, властные органы начинают принимать законы и проводить политику, оказывающие непосредственное воздействие на этнос. В результате длительной истории таких государств как Китай, Корея, Япония здесь удалось из ранее разнородных объединений сформировать более крупные общности. Однако, для достижения той степени консолидации населения, которая стала основанием его определения как нации, потребовались экономические условия и новые технические и информационные возможности, которые появились сначала в Западной Европе после завершения здесь промышленной революции [Геллнер 1991]. Сегодня государства с полиэтничным составом населения вынуждены уделять все больше внимания своей этно/национальной политике, но показательно, что обсуждение национальных проблем теперь все чаще смещается в плоскость «нациестроительства».

Следовательно, базовое отличие этнической общности от нации заключается в том, что последняя оказывается более сложным явлением, благодаря созданию политической организации в виде централизованного государства. Сегодня доминирующее значение при обсуждении государственных и национальных проблем получили политические, экономические,

социальные и некоторые другие обстоятельства, но этническая реальность, отодвинутая в тень, не ушла совсем в прошлое. Иначе откуда появляются заявления об исключительности отдельных наций. Конечно, влияние проводимой государством политики, СМИ, системы образования на этнические общности не приходится оспаривать. Преломленный через идеологические мотивы, экономические и социальные обстоятельства, агрессивную массовую культуру и другие современные «фильтры» *психоментальный* комплекс и связанные с ним *идентичности* также неизбежно трансформируются [Галкин 2016]. Поэтому успех или провал этнонациональной политики во многом зависит от того, насколько принимаемые законы и действия, в том числе и политики идентичности, соотносятся с реальностью затрагиваемых ею этнических общностей и вектора этноса. Эта реальность обусловила формирование примерно за двести лет американцев из *WASP*, преобразование франко-канадцев в новую этническую общность — собственно квебекцев. Игнорирование обстоятельств этноса при определении государственных границ, как об этом свидетельствуют тот же пример Южного Судана, геноцид в Руанде, привело к ряду серьезных проблем в странах Африки, Переднего и Ближнего Востока. Точно также обсуждение ставших особо актуальными для Европы проблем миграции в отрыве от их этнической составляющей ещё покажет значение неучтенных этнических последствий.

Сейчас уже признано, что перестал работать даже американский «плавильный котёл». Впрочем, периодически возникавшие проблемы с коренным населением и с афроамериканцами показывали, что и раньше он справлялся преимущественно с европейскими мигрантами. Дело в том, что большинство переселенцев из Европы имели достаточного много общего в своих идентичностях, а кроме того, правительство внимательно следило, чтобы выходцы из одной страны не собирались в одном штате. Массовая же миграция из стран Центральной и Латинской Америки уже привела к компактному расселению «латинос» и «хиспаникс» в южных штатах, которые даже вынуждены признавать испанский своим официальным языком. В результате здесь на юге уже запущен особый этнос... Западноевропейские страны, зачастую прошедшие стадию нациестроительства (этнонации), уже не имеют такого опыта по адаптации «других» в свое общество. Последняя же массовая миграция привела сюда массу людей с очень отличными от европейских идентичностями. Ведь во многих странах Африки, Переднего и Ближнего Востока идея единства нации, не говоря уже о ценностях демократии, не очень укоренена. Социальные теоретики оценили размах описываемых процессов как феномен «*космополитизации*», который, являясь следствием глобализации, локализует последнюю в пределах отдельных государств [Beck 2007]. По этой же причине у европейских социологов возникли сложности с определением своего базового концепта — «общество» [Urry 2000]. Да и что теперь значат сами международные отношения в условиях, когда в стране могут быть собраны диаспоральные сообщества со всех концов света?

Некоторые этнополитические перспективы будущего мироустройства

Предложенные теоретико-методологические основания позволяют пересмотреть и современное этнополитическое состояние России. Мы полагаем в качестве сложных образований различные этнические общности и государства, вроде Гаити или Эстонии, и их границы, но случай России явно демонстрирует сложность более высокого порядка. В первичном виде особое положение нашей страны было отражено в концепции В.Л. Цымбурского — «остров Россия» [Цымбурский 1993]. Может быть, даже с большими основаниями как явления повышенной сложности должны рассматриваться Индия и Китай. Учитывая некоторые ограничения, к представленной категории можно также отнести и США. Критериями для вы-

деления это особой группы стран в данном случае являются не только размеры их территории и численность населения, но и полиэтничный его состав, при котором разные общности совместно сосуществуют в течение продолжительного времени в общих границах. Данное явление ещё недостаточно осмыслено, а появившиеся для его фиксации термины — «суперэтнос», «государство-цивилизация», «гражданская нация», а тем более «империя» явно неудачны. Главным здесь является тот факт, что в этих государствах сложились особые форматы межэтнического взаимодействия и найдены эффективные способы поддержания их в неконфликтном состоянии. Однако, это совсем не значит, что происходящие здесь интеграционные процессы не приведут к возникновению новых этнических общностей, способных существенно изменить сложившуюся этнополитическую ситуацию.

Следовательно, с этнополитической точки зрения, мы видим очень непростую реальность, когда в политическом и международном пространствах современного мира взаимодействуют очень разные объединения с этнической составляющей. При анализе конкретных ситуаций следует также различать моноэтнические государства, недавно образованные государства с полиэтничным составом населения и их давно уже существующие варианты. Опыт осмысления этой сложной картины даёт нам концепция *хронополитики* М.В. Ильина и В.Л. Цымбурского [Ильин 1996]. Вполне очевидно, что подвести все это этническое многообразие под общие политические шаблоны, будь то права человека, мультикультурализм и что-нибудь ещё в ближайшей перспективе, навряд ли, возможно. Столкнувшись с необходимостью обеспечения нациестроительства, политический класс многих государств вынужден проводить этно/национальные политики и различные политики идентичности. При этом остаётся ещё этническая реальность и поэтому надо быть готовыми к тому, что этнополитическая ситуация в отдельных государствах и регионах также будет изменяться в связи с определёнными политическими действиями и их последствиями для этнических общностей. В современных условиях, как это наглядно продемонстрировали случаи Восточного Тимора и Косово, решение этнополитических проблем перестаёт быть вопросом суверенитета государств, а выносится на обсуждение международного сообщества. При этом вопрос об этническом статусе тех же косовских албанцев не особенно принимался во внимание. Но не является ли в таком случае уникальность «казуса Косово» тем опасным прецедентом, что вопрос о международном признании был частично решён даже не в отношении этнической общности, а другого объединения со свойствами этничности?

В целом же, результаты исследования позволяют утверждать, что основным кандидатом на самоопределение остаются все же сложившиеся этнические общности и объединения и, прежде всего, те из них, которые уже имели свое государство в прошлом. Согласно Широкогову, главным критерием этнической общности является ее способность к созданию, сохранению и дальнейшей трансляции особого *психоментального* комплекса. Специалисты по политическим наукам затем показали, что с определённого времени на эту основу накладывается влияние политики и идеологии, усугубляющие специфику идентичностей представителей различных общностей. Существует уже рецепт по профилактике этносепаратизма, предложенный У. Кимликой: «Наша цель должна заключаться в разрушении связи между нацией и государством, чтобы развенчать идею, согласно которой только независимое государство может быть лучшей формой национального самоуправления» [Kumlicka 2004]. К этому следует только ещё добавить и сохранения своей этнической самобытности. Представляется, что опыт нашей многонациональной и некоторых других стран по выстраиванию этно/национальных отношений, а также более глубокие научные разработки в области этнополитики помогут создать научные основания этно/национальной политики. При этом целями такой политики должны стать не только стабилизация внутреннего положения в отдельных государствах, но и предотвращение сползания всего мира в «новый феодализм».

Брубейкер Р., Купер А. 2002. За пределами идентичности. — *Ab imperio*. — № 3. — С. 61–115.

Галкин А.А. 2016. Национальное самосознание как источник ценностной и политической мотивации — *Полития*. — № 1. — С. 491–517.

Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. — М.: Прогресс. — 320 с.

Диалектика... 1988. *Диалектика познания сложных систем* — М.: Мысль. — 317 с.

Дубина В.С. *Насколько едина объединённая Германия? Восточные и западные немцы 20 лет спустя (по материалам немецкой печати)*. — Доступно: <http://www.Perspectivy.info/book>. — Проверено: 17.01.2017.

Ильин М.В. 1996. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 55–77.

Крадин Н.Н. 2004. *Политическая антропология*. — М.: Логос. — 272 с.

Луман Н. 2004. *Общество как социальная система*. — М.: Логос. — 232 с.

Семенов И.С. 2015. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 11. — С. 91–102.

Соколовский С.В. 2004. *Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации*. — М.: «Привет». — 258 с.

Сталин И.В. 1946. *Марксизм и национальный вопрос. Сочинения*. Т. 2. — М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы. — С. 290–367.

Тишков В.А. 1998. Забыть о нации. — *Этнографическое обозрение*. — № 5 — С. 3–26.

Тишков В.А. 2003. *Реквием по этносу*. — М.: Наука. — 544 с.

Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. 2011. *Этнополитология: политические функции этничности*. — М.: МГУ. — 376 с.

Хакен Г. 2014. *Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам*. — М.: URSS. — 317 с.

Цымбурский В.Л. 1993. Остров Россия. Перспективы российской геополитики. — *Полис. Политические исследования*. — № 5. — С. 6–23.

Широкогоров С.М. 1923. *Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. — Шанхай. — 124 с.

Anderson B. 2006. *Imagined Communities*. — London, New York: Verso. — 240 p.

Banks M. 1996. *Ethnicity: Anthropological Constructions*. — London, New York: Routledge. — 204 p.

Barth F. 1969. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Bart F. ed. — Oslo: Universitets-forlaget.

Beck U. 2007. The Cosmopolitan Condition: Why Methodological Nationalism Fails. — *Theory. Culture. Society*. — Vol. 24. — № 7. — P. 286–290.

Beyond the Methodological Nationalism... 2012. *Beyond the Methodological Nationalism. Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies* / Amelina, Nergiz, Faist, Glick Schiller (eds.). — London, New York: Routledge. — 260 p.

Connor W. 1978. A Nation is a Nation, is a State, is an Ethnic Group, is a... — *Ethnic and Racial Studies*. — Vol. 1. — N 4. — P. 377–400.

Galtung J. 1998. *Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization*. — Thousand Oaks. — London, New Delhi: Sage Publications. — 274 p.

- Harrison 2007. *Complex Systems and the Practice of World Politics*. — *Complexity in World Politics: Concepts and methods of a New Paradigm*. — New York: SUNY Press. — P. 183–196.
- Hroch M. 1985. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press. — 220 p.
- Kellas J. 1998. *The Politics of Nationalism and Ethnicity*. — New York: St. Martin Press. — 234 p.
- Kymlicka W. 2001. *Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. — Oxford: Oxford University Press. — 383 p.
- Kymlicka W. 2004. *Finding our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*. — Oxford: Oxford University Press. — 220 p.
- Maturana U., Farel F. 1980. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. — *Boston Studies in the Philosophy of Science*. R. Cohen and M. Vartofsky (eds.) — Vol. 42. — Bosto: Reidel Publishing Company. — 48 p.
- Mearsheimer J., Walt S. 2006. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. — *Middle East Policy*. — Vol. XIII. — N 2. — P. 29–87.
- Philosophy of Complex Systems* 2011. — Amsterdam: Elsevier. — 911 p.
- Poole 1999. *Nation and Identity*. — London, New York: Routledge. — 193 p.
- Qin Yaqing 2010. Why is there no Chinese International Relations theory? — *Non-Western International Relations Theory. Perspectives and beyond Asia*. Acharya A., Buzan B. (eds.). — London, New York: Routledge. — P. 26–50.
- Said E. 1979. *Orientalism*. — New York: Vintage Books. — 368 p.
- Sevastianov S.V., Laine J.P., Kireev A.A. (eds.). 2015. *Introduction to Border Studies*. — Vladivostok: Dalnauka. — 299 p.
- Shirokogoroff S.M. 1935 *Psychomental Complex of the Tungus*. — London: Keagan and Pau. — 466 p.
- Urry J. 2000. *Society beyond Society: Mobilities for the Twenty-Firth Century*. — London, New York: Routledge. — 255 p.
- Wight C. 2015. Theorizing International Relations: Emergence, Organized Complexity, and Integrative Pluralism. — *World Politics at the Edge of Chaos. Reflections on Complexity and Global Life*. Kawalski E. (ed.). — New York: SUNY Press. — P. 53–78.